

ПРИСЯГА МУЖЕСТВУ

раз Иванов не просто экранизирует, он идет в разработку темы параллельно Шолохову и привносит свой опыт,

ХУДОЖНИКУ, чтобы свершить в творчестве самое малое, надо ставить перед собой задачу. Большую задачу, чтобы даже в этом малом сосредоточился размах дерзости, запас энергии, которые делают малое дело масштабным, необходимым для жизни. Непосредственный жизненный опыт художника—это кислород, которым дышит талант на трудном пути к вершине своих возможностей, к совершенству. Собственно говоря, наше социалистическое искусство обязано своей новаторской сутью этому непосредственному жизненному опыту своих художников, которые были бойцами революции и с ее победой пришли к палитрам, письменным столам, к объективам кинокамер, к нотной бумаге, чтобы продолжать незаконченный бой уже другими средствами, подсказанными талантом. Это был трудный, самозабвенный путь, и его нагрузку выдержали те, кто обладал железной выдержкой, волей, мужеством, верой в непоколебимые, бескомпромиссные идеалы. Этим путем шли Тихонов и Фурманов, Греков и Богородский, Эрмлер и Иванов... Они раз и навсегда жизнью своею, последующим творчеством подтвердили свою присягу мужеству.

Народный артист Советского Союза Александр Гаврилович Иванов принес этот оплот мужества, эту верность единственной присяге в кино, на экран, где в трепете кадров рождалось, билось, утверждалось и пророчествовало самое массовое искусство XX столетия, где шел процесс его становления и совершенствования, его идейной заостренности. Восемнадцатилетним парнем после окончания коммерческого училища он ушел добровольцем на первую мировую войну. Го-

ворят, о нем тогда можно было сказать словами Некрасова: «Подивился сам из Питера генерал на парня этого, как в рекрутское присутствие привели его раздетого».

И этот парень богатырского сложения, готовый грудью встать за родину, в первом же бою под Тирасполем увидел бессмысленность человеческих жертв на бессмысленной войне. Ветер времени протер его глаза чище материнского платка. И ладно скроенный парень, влюбленный в романтику приключений, понял что-то огромное в этом мире, исстрадавшемся от войны, понял великую историческую судьбу своего народа и стал в 1918 году коммунистом, солдатом революции. И «Большое ограбление поезда», которым он засматривался, и Кузьма Крючков вместе с высоколобым пафосом изысканных стихов Гумилева «И так сладко рядить победу, словно девушку в жемчуга, проходя по дымному следу отступающего врага» рухнули под колеса дуэлоков, в разбегенный суглинок солдатского горя; развеялись пылью в донских степях Южного фронта, в боях против Деникина, Каледина и Махно под Ростовом и Мелитополем, в ледяные часы ожидания расстрела, в скороговорке быющего с громыхающей тачанки пулемета. Четыре года гражданской войны за Советскую власть. Вот там и надо искать шлифовку характера 22-летнего красногвардейского комиссара...

Через пятьдесят лет Родина вспомнит об этом и наградит его по достоинству высшей наградой воинской доблести солдат революции—орденом боевого Красного Знамени. А тогда было не до награды, тогда был бой не на жизнь, а на смерть, была полная самоотдача вихрю народной силы, вера в прекрасный мир человеческой справедливости.

Но гражданская война кончилась победой, и молодой военком в буденовке, в гимнастерке, перетянутой ремнями, с нагаком в кобуре и со шпорами на сапогах вспомнит в какой-то миг о

своей детской мечте, и эта мечта заполнит его душу, захлестнет его и станет неизбежностью. И он случайно прочтет на газетной тумбе объявление о приеме на курсы экранного искусства, и уже навсегда прирастет сердцем к молодому искусству кино. Это станет его страстью, отчаянием, поиском и надеждой, смыслом жизни и ее святым таинством, убежденностью и откровением.

Корни высокой нравственности, заложенные революцией, дадут ему возможность вместе со своими товарищами по судьбе пройти через все перипетии учебы и роста советской кинематографии к той вершине, которая будет называться «Ленфильм»,—короткое слово, вобравшее в себя целую эпоху истории советского кино. Оно будет появляться на экранах всех стран перед показом жизни нового мира, перед «Чапаевым» и «Встречным», перед «Юностью Максима» и «Депутатом Балтики». Оно станет предвещать запечатленные на пленке события, которые будут напоминать, учить, звать, будоражить и пробуждать. И Александр Иванов войдет в этот коллектив, в состав этого слова. Он будет расти вместе с успехами этого коллектива, и нельзя будет понять и проследить его личную судьбу без судьбы этого коллектива так же точно, как нельзя будет полностью оценить успехи этого коллектива без его личной судьбы и работы.

Первый его самостоятельный фильм «Луна слева» вышел на экраны в 1928 году, когда режиссеру исполнилось тридцать лет. О картине заговорили и заспорили. В ней почувствовался творческий почерк художника, его тяга к героическому началу, к острым столкновениям характеров, к неожиданным поворотам сюжета, к народности. В 1929 году появился «Транспорт огня», в 1932—«Три солдата». Он первым открыл для зрителей Черкасова и Чиркова, Крючкова и впоследствии Смоктуновского. Он первым благословил их и выдал путевку в жизнь.

Одни в то время считают его мастером приключенческого жанра, другие увидят в его лентах художника иного плана, но никто из его критиков никогда не упрекнул его в равнодушии. Страсть в его работе всегда соседствует с убежденностью, трагедия—с юмором, он всегда стремится на гребень главного в жизни.

КИНОЛЕНТА обыкновенно живет недолго. Но ее долговечность как бы компенсируется ее массовым воздействием. И какими цифрами подсчитаешь ту роль, которую сыграла предвоенная картина Александра Иванова «На границе», картина мобилизующая, заставляющая думать о предстоящих битвах, воспитывающая мужество прямой и обоюдоострой правдой. Последнюю строку рецензии на эту картину надо искать в красном стяге над поверженным рейхстагом. И в этом нет ни капли преувеличения. Такой и должна быть взаимосвязь искусства с жизнью.

Потом он показал этот солдатский подвиг во всей полноте и жестокости неприкрашенности в своих лентах «Звезда» и «Солдаты». Он взял за первооснову в своей работе повести Эммануила Казакевича и Виктора Некрасова, те произведения о Великой Отечественной войне, где народный подвиг показан через сердце чернорабочего войны—солдата, через его кровавый, тяжелейший труд. Он не изменил своей воинской верности, он пошел вглубь. И не просто прочел и проиллюстрировал эти прекрасные книги, а дополнил их своим смыслом, своим почерком. И его путем, следом за ним пошли многие, он дал настрой настоящему разговору о подвиге, о его источниках, и опять было трудно оценить силу воздействия этих лент на процесс не только осмысления жизни, но самого движения жизни вперед. И это закономерно для его характера. Верность присяге в основе осмысления грандиозных событий осталась прежней. Она неизменна.

Затем—трехсерийный эпос «Поднятая целина». И на этот

и его, ивановский, Макар Нагульнов как-то по-своему раскрывает шолоховский эпос, дает ему новое звучание, свойственное экрану. Это будет раскрытие заложенного в книге возможностями экрана: сложным компонентом режиссуры, актерского мастерства, музыки, операторского искусства и монтажа. И зритель по достоинству оценит это и проникнется этим, потому что в картине, в ее основе лежат опыт и страстная убежденность постановщика, его способ осмысления событий исторического значения.

ЗАТЕМ он берется за «Первороссиян». Ольга Берггольц сама пишет ему сценарий. Это во многих отношениях новаторский эксперимент, первая попытка соединить поэтическую стилистику трагедии с особенностями языка кино, для чего режиссеру потребовались поиски в разных направлениях ритма, языка, ракурса. Лента получилась сложной, дискуссионной, но ищущей и открывающей, и, как мне кажется, к ней еще вернутся многие художники, находящиеся в поисках новой выразительности и остроты, потому что в ленте есть время с его неповторимыми героями, с их верой в свою правоту, потому что эта правота единственная не только для них.

В финале фильма кулаки уничтожают первую коммуноу. Все разбито. Квадратное поле выжженного жита похоже на квадратные могилы Марсова поля. Остаются только вечные слова:

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей.

Коммуна погибла. Коммуна истреблена. Но она жива, как песня будущего, как символ того, что может, должен сделать человек для того, чтобы земля жила и человек на ней—дита этой земли и ее разумный хозяин.

Так хочет художник, и он навсегда останется со своими героями, убежденностью своей, опытом своим и верой в мужество.

Михаил ДУДИН.

ЛЕНИНГРАД.